

УДК 811.161.1'282.2

С. П. Петрунина

ВВОДНО-МОДАЛЬНОЕ СЛОВО *ОДНАКО* В СИБИРСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена анализу частотного в сибирских говорах вводно-модального слова *однако*, которое исследовано как средство выражения перцептивного или ментального модусов, обусловленных речевым или нарративным режимами интерпретации высказывания. Изучены синтаксические и ситуативные условия употребления *однако*, которые, наряду с модусами, релевантны для лексикографической практики.

Ключевых слова: сибирские говоры, вводно-модальные слова, значение персуазивности, перцептивный и ментальный модусы, речевой и нарративный режимы интерпретации высказывания, синтаксические и ситуативные условия употребления *однако*.

S. P. Petrunina

THE MODAL WORD *ODNAKO* IN SIBERIAN DIALECTS

The paper deals with the analysis of the frequent for Siberian dialects modal word *odnako*, which is considered as the means of expression of the perceptive or mental modality, stipulated by the spoken or narrative modes of the speech act interpretation. The syntactic and situational conditions of the analysed word usage are explored. These conditions, as well as the mentioned types of modality, are relevant for the lexicographical practice.

Keywords: Siberian dialects, modal words, the category of the speaker's uncertainty, perceptive and mental modality, the spoken and narrative modes of the speech act interpretation, the syntactic and situational conditions to use *odnako*.

Перечень синтаксических особенностей говоров Сибири, данный в [4, с. 53], начинается с указания на частое использование слова *однако* в роли вводного со значением 'наверное, кажется, по-видимому'. *Однако* входит в круг вводно-модальных слов со значением персуазивности (неуверенности говорящего в сообщаемом как по содержанию, так и по форме сообщения), то есть является средством выражения эпистемической модальности со значением проблематической достоверности.

Данные среднеобских словарей (говоры Томской области, северных и центральных районов Кемеровской области) и Словаря русских говоров Кузбасса (южные районы Кемеровской области) позволяют представить следующий список «неуверенных» модальных слов/выражений и частиц в функции вводных:

однако (однак, одначе, однакоче, однакося, однакось, однако што, оннако): Однакось, сем час, родима матушка (СС II, с. 71);

может быть (можебыть, можбыть, мобыть, мобуть, может быть, может быть, могут быть, быть можечки): Было, мобыть, восемь или девять лет. Приедет сосед: «Дайте парнишка возить или боронить» (СС II, с. 23);

может¹⁶ (може, можа, мож, можеть, может, может, моэть, могут, мо-

жечки): Можечки, к четырем-то приедут (СС II, с. 28); Вбок сделает или, моэть, что-нидь не дает тама стропило или что ли, и от, это, боровочек (часть дымохода) делали (ОСК I, с. 279);

наверное (наверно): Ягода здесь ешишо, ее называют пьяницей (голубика). Ну, ее здесь мало растет <...> Я ее не бирал, но, наверное, от нее пьянеешь, вот ее пьяницей и зовут (МДС II, с. 111);

видимо (видно, видать, видко, по видам): Погода нынче плоха стоит, день хмарной, дождливый, морочат, видно, опять заненастится (СС II, с. 185);

кажется (каже, кажись, кажись што): Дети есть, каже, при ем (СС I, с. 137);

пожалуй (пожала, пожалуй што): Галтус-то, пожалуй, мы их сроду не нашивали (СРСГ IV, с. 90);

почитай (почитай што): Маме, почитай, за девяносто было, а в памяти была;

вероятно: Ну, вероятно, запростано все нитками (СГК, с. 35);

поди (поде, подимте, поди-кось, поди как, поди ж ты): Поди, в коммуне не будет хуже, чем в Нарыме (СРСГД II, с. 152); Поди как нету старей Молчанова (СС II, с. 109);

знать, (почем знать, знамо, знатко): Гора, залезешь на полгоры, это, знатко, называется у нас полугорьем (МДС II, с. 62);

не знаю: Стрелка (стрекоза) – у ней, как у самолета, крылья, четыре крыла, то ли она на стрелку похожа, не знаю (МДС II, с. 220);

¹⁶ Как самостоятельное слово, но не как вариант *может быть* рассматривал вводное слово *может* А.А. Шахматов [22, с. 270].

Кто его (ее, их) знает (знат), Бог его знает, черт его знает, бес его знает, пес его знает, холера его знает; сап его знает, дур его знает, шут его знает, хрен его знает, леший его знат, лих его знает, ляд его знает, лях его знает, прах его знает и др.: *Дур его знает, были колодочки. Я его уничтожил* (СРСГ I, с. 38); *Холера их знат, русские или чувашки ли они* (ПССГ I, с. 265);

чай (чать): *Он поехал в Томск, а за ним, чать, следили* (СС II, с. 190);

нечай: *А стар, нечай, тоже хочет поить* (СРСГД II, с. 58);

никак: *И мы, никак, второй-то не взяли* (ПССГ II, с. 215);

бышет (бышно): *Вере тридцать есь, однако, больше, бышет* (СГК, с. 54); *У одного, бышно, суконные шубы* (СРСГД I, с. 49);

авось, небось (авось-небось): *Вы же с Ниной не родня? – Нет. Авось-небось, породнимся: у ей сын, у мене дочь* (СС I, с. 14);

вроде (вродь, навроде, вроде бы, как вроде, вроде как): *Наводники были. Ниче, вроде, не делали, а девку одну в могилу загнали* (СРСГД II, с. 5);

либо: *Пальто либо помешало чем* (ПССГ II, с. 118);

што ли (че ли, чу ли, чу ли че, чу ли што): *Коренных-то нет, чули что, поудрали* (СРСГД II, с. 116);

че ти: *Но были такие архарцы. Ну архар... Как отчаянный ли, бойкий ли, че ти* (ОСК I, с. 58);

ли че ли, ли как ли: *Наталья Авдокимова ли что ли Стариченкова* (СРСГД I);

будто (быдто, быдбето, будто бы, как будто бы, будто как): *Вот, быдто, мы праздник отведем, потом в Красулино едем* (СГК, с. 38);

ровно: *У нас, ровно, маленько шибче говорит* (СГК, с. 103);

разве (разе): *Нет, не придут, разе, вот Витя* (СРСГД II, с. 132).

Перечисленные лексемы различны по своей функционально-стилевой принадлежности [16]:

1) они те же, что в литературном языке, и по форме, и по значению: *может быть, наверно(е), видимо, вероятно, пожалуй, кажется;*

2) они те же, что в литературном языке, но только по форме: *однако, либо*. Ср. словарные статьи в СО и в СГК:

ОДНАКО. 1. Союз. То же, что *но*. *Уже старик, однако бодр душой*. 2. Вводное слово *тем не менее, все же*. *Всегда аккуратен, однако, забыл об обещанном*. 3. Междометие. Выражает сильное удивление или возмущение. *Сейчас он уже директор. – Однако!* (СО) и

ОДНАКО, *вводное слово. То же, что кажись. – Весной он умер, однако* (СГК).

Или словарные статьи в СО и ПССГ:

ЛИБО, союз. 1. То же, что *или* (в 1, 2, и 3 знач.). *Либо пан, либо пропал* (СО) и

ЛИБО. 1. Союз, разделит. *Рыбку привяжу либо мясо туда, на пятючек-то (капкана)*; 2. част. Употребляется с оттенком предположения: *может, может быть. Ей либо двадцать шесть – двадцать семь (лет)* (ПССГ);

3) помету «разговорное» или «просторечное» имеют функционирующие в диалекте: *может, видно, видать, почитай, поди, кажись, что ли, вроде, вроде бы, вроде как, ровно, авось, небось, авось-небось, разве, чай, нечай, будто, будто бы, никак, не знаю, знать, кто его знает*, совпадающие с разговорно-просторечными аналогами и по форме, и по значению;

4) собственно диалектными оказываются *бышет, бышно, ли че ли, ли как ли*, а также фонетические, лексико-морфологические (словообразовательные) и грамматические варианты лексем. Например, *может* в говорах Среднего Приобья имеет фонетические (*может, може, можа, мож, может, моget, моget*) и лексико-морфологические (*может, можечки*) варианты; *может быть* – фонети-

ческие (*может быть, можбыть, мобыть, мобыть, может быть, может быть*), морфологические (*может быть, могут быть: Ежли кому жись надоела, могут быть, убьют стяжком* (колом) (СС II, с. 159) и лексикоморфологические (*быть можечки*) варианты. Они, как правило, являются дублетными, функционально не нагруженными, демонстрируя избыточность, а следовательно, надежность языковой системы. Некоторые из вариантов, например *можечки, быть можечки*, маркированы прагматически: обычно они употребляются в косвенных речевых актах – вопросительно-побудительных предложениях как знак вежливой просьбы говорящего: *Можечки, придешь завтра?*¹⁷; *Можечки, банки поставишь?*; *Свезешь меня до городу, быть можечки?* [15, с. 32–33]. В отдельных контекстах служебное *можечки* стоит в одном ряду со знаменательными десемантизовавшимися диминутивами, имеющими налет разговорности [5, с. 476–478], [10] и служащими средством экспрессивизации устной речи: *Можечки, к четверто придут* (СС II, с. 28); *Можечки, завтра забегу, моя хорошая*.

Частотность *однако* в среднеобских и южнокузбасских говорах обусловлена многозначностью (полифункциональностью) слова, которое является средством выражения перцептивного или ментального модуса (модуса сомнения и модуса полагания)¹⁸ в зависимости от различных режимов интер-

¹⁷ Здесь и далее приводим примеры диалектной речи, которую наблюдали в течение десяти лет диалектологических экспедиций (1981–1986, 1993–1996, 1998–2000 годы) в селах Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области (среднеобские говоры), Таргай, Малиновка Осинниковского района, Лучшево Прокопьевского района Кемеровской области (говоры юга Кузбасса).

¹⁸ Анализ эксплицитных модусов: перцептивного, ментального (полагания, сомнения и допущения, истинностной оценки, знания, незнания, общей оценки), эмотивного, волитивного – дан в [1].

претации высказывания: речевого или нарративного [13, с. 286], восходящих к различию плана речи и плана повествования у Бенвениста (ср. с перцептивным или интерпретационным способом изображения действительности в [6]).

В речевом режиме *однако* – это средство выражения перцептивного модуса, отражающего различные чувственные (зрительные, слуховые, вкусовые, осязательные – тактильные, обонятельные – ольфакторные) восприятия человека: (смотрит) *Танька, однако, идет; Плетье, однако, сохнут; Помидоры, однако, плохоньки в этом году; Платье, однако, коротковато; Вон, смотри, у кузницы, однако, наша корова. Нет, телятишки* (ПССГ IV, с. 125); (пробует на вкус) *Соли, однако, маловато; (пробует на ощупь) Вода, однако, холодна; (принюхивается) Однако, вонят где-то; Че-то жгут, однако*. В перечисленных случаях *однако* равнозначно ‘я смотрю’, ‘я чувствую’ («чую»).

В нарративном режиме *однако* относится к ментальному модусу сомнения и допущения, который выражает отношение говорящего к истинному значению пропозиции. В этом случае *однако* – это ‘я сомневаюсь’ (сомнительно, маловероятно, не верится, еще не доказано, не факт): *В тем году домов пять сгорело, однако; Мне тада лет восемь было, тада мы, однако, еще в Игрековой жили; Тогда, однако, Коля ешио жив был; Тада мене, однако, перацію делали; Принесла она третьеводнесь, однако* (СРСГ III, с. 188).

При совмещении режимов интерпретации: речевого и нарративного (перцептивного и интерпретационного) *однако* – это ментальный модус полагания: ‘я считаю’: *Земля, однако, плохая, картошка гниет; Земля, однако, плоха, редька-та червивит; Однако, Танька приходила, платье валяются; Однако, хлеб привезли, народ собираются; Квас, однако, перебродил, вона как банка-та запузы-*

рела; **Однако**, дождь будет, комар кусат; **Однако**, дождь будет, ага, вона как воронье кричит, волнуется; **Однако**сь, гости будут, кошка, глянь, как намывается; **Однако**, пойду лягу, натопталася, ноги ломают; *Погодьё забуробит, **однако**, снег метет* (СРСГД-1, с. 143). «Роль в тексте вводно-модальных слов со значением предположительности, – пишет Г. А. Золотова, – в том-то и заключается, что они в большинстве случаев служат как бы пограничной вехой между предикативными единицами (и группами их), принадлежащими к разным регистрам: между изображением видимого, воспринимаемого органами чувств в конкретном хронотопе средствами изобразительно-повествовательного и изобразительно-описательного регистров – с одной стороны, и осмыслением видимого, наблюдаемого в регистровых средствах информативного сообщения о фактах, отвлеченных от конкретной длительности, их оценочной квалификации или логического обобщения – с другой» [6, с. 435].

Для модуса полагания, в отличие от перцептивного модуса и модуса сомнения, характерна гипотетичность, проявляющаяся в будущем времени (отсюда регулярность *однако* в речевом жанре прогноза/предсказания), в повелительном наклонении глагола, в ирреальной модальности желательности, необходимости, возможности (*Надобно (надоть, надобить), пора, подоспело, подошло: Надоть банки ужю отчепить, **однако***, так как истекло положенное время процедуры). Для модуса полагания характерны также характеризующие, оценочные высказывания, объясняющие наблюдаемое в действительности положение дел (*Земля, **однако**, плохая, картошка гниет*). С его помощью говорящий устанавливает существование естественных для наивной картины мира диалектоносителя устойчивых или ситуативных причинно-следственных связей (*Однако, Танька прихо-*

дила, платье валяется, то есть платье валяется, потому что приходила Танька и вернула его).

Совмещение режимов интерпретации происходит в сложноподчиненных предложениях со значением основания предполагаемого вывода, имеющих негибкую структуру [3, с. 531]. Средствами связи в них являются двухместные скрепы: *однако (навверное, вероятно, может быть)...* *потому что (так как)*, с одной стороны: *Верно, пуля попала ему в плечо, потому что он* (Казбич) *опустил руку* (Лермонтов), и, с другой – *конечно (ясно, явно)...* *потому что (так как)*: *Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего* (Лермонтов). Русская грамматика – 80 называет эти предложения несобственно-причинными (причинно-аргументирующими) в отличие от собственно-причинных предложений, которые являются предложениями прямой обусловленности. Последние не допускают перестановки причинной и следственной частей (ср.: *Я взял зонт, так как шел дождь* и невозможное **Шел дождь, так как я взял зонт*) при гибкости своей структуры (*Я взял зонт, так как шел дождь* и *Так шел дождь, я взял зонт*). Грамматическая структура собственно-причинных предложений совпадает с ситуативной: реальные причина и следствие соответствуют языковым.

Несобственно-причинные предложения относятся к предложениям обратной обусловленности, предполагающей возможность причинно-следственной инверсии (ср. *Пуля попала ему в плечо, потому что Казбич опустил руку* и *Казбич опустил руку, потому что пуля попала ему в плечо*). Грамматическая структура таких предложений противоречит ситуативной: придаточное предложение называет реальное следствие (См.: [12; 11; 9]).

Модус полагания, свойственный несобственно-причинным предложениям, предпо-

лагает различную степень категоричности: от неуверенного до уверенного предположения (от *наверно* до *конечно*) в отличие от модуса знания ('я знаю'), который «не сочетается с вводными словами, указывающими на истинность значения по той естественной причине, что знание требует установления истины» [2, с. 433]. Отсюда возможная амбивалентность *однако*¹⁹ как средства выражения модуса полагания [17], зафиксированная в одном из среднеобских словарей, правда, с контекстами, непоследовательно диагностирующими эту амбивалентность вследствие неразличения модусов слова:

ОДНАКО, вводн. Кажется, наверное, может быть. – Он доработал, вот уже год, наверное, будет осенью (*однако*, в октябре) [модус сомнения, «сомневаюсь, что в октябре», контекст информативен], и он на пенсию пошел; Внучек, *однако*, руку переломил [скорее, модус полагания, контекст неинформативен]; И, *однако*, двадцать три дома загорело [модус сомнения, «сомневаюсь, что двадцать три дома», контекст информативен]; Ой, *однако*, седня жара будет страшна [модус полагания, контекст неинформативен].

2. Употребляется для выражения уверенности в том, о чем говорится; точно. – Молоко у меня, *однако* скиснет, свернется [модус полагания, контекст неинформативен]; Дак они *однако* никакой посуды не брали [модус полагания, контекст неинформативен]; *Однако* не будет [грозы], все прояснело тут-ка [модус полагания, контекст информативен]; Внук че-то больной ли што... Он *однако* болеет [скорее, модус перцепции, 'я смотрю, чувствую'] (ПССГ II, с. 241).

Удачнее, на наш взгляд, словарная статья в (ИОС 1974; 75), учитывающая условия упо-

¹⁹ Амбивалентность *однако* ('видно', 'верно', 'кажется', 'будто бы' и 'конечно') в зап. и южн. говорах отмечена В. И. Далем (Даль II; 655).

требления *однако* (в частности, в высказываниях со значением обусловленности) и диктуемые ими значения слова:

ОДНАКО, вводн. слово.

1. *Пожалуй*²⁰. Утрешь штала – холодно, веревка колом шталаит, руки мерзнут, нада, *однака*, памидоры пошинимать, оне ведь хлипки. Я, *однако*, не стану пачинять эту рубаху-та, че, ана уш худа, вместе не держица. *Однако*, я схожу к ним вечером, поговорю, разузнаю че-нибудь [модус полагания, контекст информативен];

2. *Кажется, как будто, по-видимому*. В сорок восьмым году, *однако*, паводь больша была [модус сомнения, контекст информативен]. Степан, *эта, однако, там идет, по берегу-то?* [модус перцепции, контекст информативен].

В диалектных предложениях со значением основания предполагаемого вывода *однако* входит в двухместную (*однако... что / потому что*²¹ / *как / потому как*) или одноместную (*однако... ø*) скрепы. Последняя встречается намного чаще. Она делает структуру предложения гибкой, ср. *Однако, дождь будет, комар кусат* и *Комар кусат, однако дождь будет*. Позиция *однако* во фразе подвижная: *Дождь, однако, будет, комар кусат*; *Дождь будет, однако, комар кусат* или: *Погодье забуробит, однако, снег метет*

²⁰ См. толкование *пожалуй* в СО: 1. Вводн. сл. Выражает допущение какой-н. возможности, склонность **согласиться**. Я, *пожалуй*, приду; 2. частица. Выражает неуверенное **согласие**. Сходим на выставку? – *Пожалуй*.

²¹ Частотность союза *потому что* в сибирских говорах не позволяет считать его поздним заимствованием из литературного языка [21, с. 104]; скорее этот союз возник на почве живого народного языка [20, с. 205]. По мнению М. Н. Преображенской, союзное сочетание *по тому что* складывается в XV–XVII веках в повседневной деловой, отражающей влияние народно-разговорной стилистики, речи [18, с. 230–245].

(СРСГД I, с. 143). Нечеткость не только синтагменных, но и фразовых границ в устной спонтанной коммуникации не позволяет однозначно относить интерпозитивное *однако* к какой-либо (предыдущей или последующей) предикативной единице: *Дождь будет, однако* или *Однако, комар кусат*, тем более что *однако* не менее регулярно употребляется как средство выражения перцептивного модуса: *Дождь будет, комар, однако, кусат; Дождь будет, комар кусат, однако*. В предложениях со значением основания предполагаемого вывода основание часто имплицитно, так как оно ситуативно и / или очевидно для говорящего: *Однако, дождь будет* (так как видит, что небо в тучах); *Валька (внучка) на выходные придет, однако* (так как пришла дочь и сообщила об этом); *Однако, пойду гляну* (так как не видит, где внук); *Сандалики, однако, сбрось* (так как видит, что они натерли внуку ноги).

В разговорной речи носителей литературного языка широко распространены бессоюзные предложения со значением логического обоснования, близкие к анализируемым: *Интересный она человек/ стихи пишет //; А хорошо здесь будет/ деревья посадят//* [19, с. 264–273]. Они имеют две разновидности: предложения неполного обоснования и достаточного обоснования. В первых «говорящий подчеркивает, что приводимое им обоснование – не единственное, не абсолютное, с его точки зрения, а лишь один из немногих примеров проявления того качества, которое он приписывает предмету оценки. <...> В предложениях достаточного обоснования частные примеры проявления качества, названного в первой части, абсолютизируются, приобретают значение, по мнению говорящего, достаточного обоснования» [там же, с. 266–267]. Различаются эти две разновидности и интонационно: ИК-6 – для предложений неполного обо-

снования, ИК-2 и ИК-5 – для предложений достаточного обоснования. Для диалекта проводимое деление нерелевантно: имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о наличии в диалектной речи предложений достаточного обоснования и об отсутствии в ней предложений неполного обоснования. Очевидно, это связано с тем, что обоснованием в диалекте является непосредственно воспринимаемый факт как очевидный и уже поэтому достаточный.

Не менее частотны в разговорной речи предложения с актуальной причиной: *Не могу петь/ горло//; Газеты нет/ воскресенье//*, в которых при выделении именительного падежа в постпозитивный сегмент создается условие для нейтрализации противопоставления номинативная единица/предикативная единица [7, с. 51–52]. Эти предложения также не характерны для диалектного синтаксиса, так как основание предполагаемого вывода – это обычно предикативная единица (ср. со стремлением неглагольных однородных членов превратиться в предикативную единицу в результате повторения глагола: *Пекли картовны да морковны да, груздяные пекли, да с брусникою пекли; Я семь трав пила: мать-и-мачеху, пила подорожник, тысячелистник, зверобой, полынный, пустырник, арпей* (ОСК I, с. 55).

Любопытен психологический аспект приводимых говорящим обоснований. «Установлено, что поведение людей в гораздо большей степени определяется ситуацией, чем особенностями личности. Человек улыбается, если считает это адекватной реакцией на шутку; уступает место в метро, если едет с девушкой; опасается допустить грубость, если ее проявления будут наказаны. У наблюдателя же существует стойкая тенденция объяснять чужое поведение личностными факторами, а собственное – ситуационными. Почему Иванов не дает мне деньги в долг?

Потому что он жадный. А почему я не даю в долг Петрову? А просто у меня мало денег. Эта тенденция в психологии получила название «фундаментальной ошибки» [8, с. 84]. В противовес отмеченному диалектоносители последовательно мотивируют чужие действия событийными причинами, не навешивая другому обидных «ярлыков»: *Всыпали ему хорошенько, а то как же! Незрелы створки (стручки у гороха) пооборвал (ср.: Пакостун, пакостник, дрянной, негодный мальчишка); В дом вчерась она его не пустила. Нализавши пришел и вчерась, и позавчерась, и третьеводни пришел. А детишки как же? О дитяx-то оно не думат (ср.: Сволочь, гадина, мразь, пьянь), а свои действия – причинами психологическими: Очки иде-то. Совсем дурна стала; Рыжики-то, однако, не слила (воду не сменила), дура стара, голова дырява; Хлеб-то забыла (в магазине), растереха стала, ниче не помню. И хлеб, и память, все порастеряла.*

Особую область в диалекте составляет функционирование многочисленных «беспричинных» *почему-то* (*почтой-то, почто-то*) *как-то, че-то, той-то* (в значении *почему-то*): *А почему-то не садим сейчас брюкву. Репу садили. Репу не парили почему-то. Брюкву парили; Почему-то раньше берлинка не гнила, а теперь почему-то ста-*

ла портиться, загнивает (ОСК I, с. 182); *В стайке топор-то. Вот, например, этой бородкой так-от заденешь и выдернешь гвоздь. Ну почему-то делали бородки и делали топоры стальные* (ОСК I, с. 280); *Вот масленка будет. После девяти недель, после рождества. Почто-то переходчивый* (то есть не имеющий определенной даты, не календарный праздник) (ПССГ III, с. 29); *Сегодня той-то не пойму: облака дождливы, а ветер северный. Погода-то сейчас пошла интересная* (ОСК I, с. 52); *Это бухторма, это у кого был, у этих, как их? На навозе-то у чемпионы-то, у их убирала. С обратной стороны эти пластинки убирала, не ели их че-то* (ОСК I, с. 380); *Девочка-то хороша така, большенька. А вот тоже че-то кашлят. А я прям боюсь* (ПССГ III, с. 150); *Вот всегда ему надо делать, он без дела не может, никак. Он че-то плохо стал ись, никак не ес* (ПССГ II, с. 215); *Все как-то весело было. Правда наряду такого не было ни у кого, не наряжались так красиво, а веселе было* (ПССГ III, с. 111).

Они свидетельствуют об «отчетливо национальном специфичном тяготении русского дискурса к неопределенным модальным показателям» [14, с. 23] и о стремлении и невозможности человека проникнуть в глубины психологического субстрата своего поведения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
3. Белашапкина В. А. Сложное предложение // Современный русский язык (Морфология. Синтаксис) / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – Ч. 2. – С. 522–311.
4. Блинова О. И., Палагина В. В., Федоров А. И. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1975. – Вып. 3. – С. 52–62.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи [1993] // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 428–492.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.

7. Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
8. Краснова Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
9. Кривонос А. Т. К интеграции языкознания и логики (на материале причинно-следственных конструкций русского языка) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 26–41.
10. Крючкова О. Ю. Вторичные диминутивы одного говора в историческом контексте // Предложение и слово: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / отв. ред. Э. П. Кадькалова. – Саратов, 2002. – С. 632–636.
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
12. Михеев А. Ф. Грамматические средства и формы выражения следственных отношений основания-вывода в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1967. – 22 с.
13. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
14. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 5–32.
15. Петрунина С. П. Вариативность служебной лексики в говорах Среднего Приобья (на материале вводно-модальных *может, может быть*) // Актуальные проблемы лексикологии: тез. докл. науч.-метод. конф. / отв. ред. М. Ю. Новикова. – Даугавпилс: Изд-во Даугавпилс. пед. ин-та, 1991. – Ч. 2. – С. 32–33.
16. Петрунина С. П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка / отв. ред. С. П. Петрунина. – Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк. пед. ин-та, 1992. – С. 62–69.
17. Петрунина С. П. Прагматика в словарном описании служебных лексем (на примере диалектного *однако*) // Русские говоры Сибири. Лексикография / под ред. Г. А. Ракова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – С. 131–136.
18. Преображенская М. Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII веков (сложноподчиненное предложение). – М.: Институт русского языка, 1991. – 300 с.
19. Соколова Г. В. Субъективные смыслы бессоюзного предложения со значением логического обоснования // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкина, Т. В. Шмелева. – М.: «Индрик», 2001. – С. 264–273.
20. Чижикова К. И. Сложноподчиненные предложения функциональных типов в ангаро-ленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1966. – 343 с.
21. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. – М., 1953. – 317 с.
22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

Принятые сокращения

1. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. – М.; – СПб., 1880–1882. – М.: «Терра», 1994 (репринт).
2. ИОС – Иркутский областной словарь / под ред. Н. А. Бобрякова: в 3 вып. – Иркутск, 1973–1979.
3. МДС – Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск, 1982–1983. – Т. 1–2.

4. ОСК – Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. – Кемерово, 2001. – Вып. 1.
5. ПССГ – Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1991–1995. – Т. 1–4.
6. СГК – Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). – Новосибирск, 1976.
7. СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1964–1967. – Т. 1–3.
8. СРСГД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. – Томск, 1975. – Ч. 1–2.
9. СС – Среднеобский словарь (дополнение) / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1983–1986. – Ч. 1–2.
10. СО – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.